

На правах рукописи

Платонова Надежда Игоревна

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

(последняя треть XIX – первая треть XX вв.)

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Санкт-Петербург – 2008

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры РАН

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН
Макаров Николай Андреевич

доктор исторических наук
Клейн Лев Самуилович

доктор исторических наук
Цамутали Алексей Николаевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится «__» «_____» 2009 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора исторических наук при Институте истории
материальной культуры РАН по адресу Санкт-Петербург, Дворцовая
набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории
материальной культуры РАН.

Автореферат разослан «__» «_____» 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета _____
канд.ист.наук П.Е.Нехорошев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В 1960-1970-х гг., в советской археологической литературе впервые отчетливо обозначилось направление, рассматривающее историю науки как исторически обусловленную культурную форму – один из аспектов отечественной истории культуры. Несколько десятилетий оно развивалось изолированно, в основном, трудами А.А. Формозова. Но во второй половине 1980-х гг. конец жесткого идеологического контроля и резкое расширение информационных возможностей стимулировали смену парадигм в гуманитарной области. Открылось новое научное поле, новый комплекс источников, новые перспективы историографического исследования. Результатом стала радикальная переоценка явлений и процессов, происходивших в отечественной археологической науке, как до 1917 г., так и в первое послереволюционное десятилетие, предшествовавшее ее "переводу на марксистские рельсы".

Развитие истории науки как отдельной дисциплины сопровождается в наши дни многочисленными попытками оформить ее теоретически, четко осознать истоки, функции и задачи того нового подхода, который вначале проявился совершенно спонтанно, явив собой своеобразное сочетание научного и эстетического, художественно-исторического познания прошлого. Элементы последнего, в той или иной степени, не могут не присутствовать в исторических реконструкциях образов науки прошлого.

Разработка конкретных методик синтеза и осмысления указанных материалов, с целью построения исторических реконструкций на их основе, представляет собой, на мой взгляд, актуальнейшую проблему современной исторической науки вообще и истории археологии, в частности. Путь к этому лежит через конкретно-исторический подход к источникам, обогащенный наработками многочисленных смежных дисциплин, помогающих уяснить

характер и механизмы влияния различных социальных, культурных и иных факторов на научное знание.

Объектом настоящего исследования является отечественная археология последней трети XIX – первой трети XX вв. **Предметом** исследования – развитие *археологической мысли* указанного периода, понимаемое, как эволюция и трансформация комплекса общих представлений и методических подходов, применявшихся в данной области знания.

Цели и задачи исследования. Основные цели исследования можно сформулировать следующим образом: а) анализ идейной и социокультурной подосновы развития археологической науки в России – СССР в последней трети XIX – первой трети XX в.; б) характеристика основных методов и научных школ, сложившихся в этот период; в) выявление преемственности (как прямой, так и "отложенной", прерывавшейся) отечественной археологической мысли на разных этапах. Лишь при условии достижения указанной цели "история науки может стать орудием достижения нового" (Вернадский, 1981: 24). Путь к этому лежит через решение следующих задач:

- сбор и критический анализ источников, содержащих информацию о различных теоретических позициях и подходах в отечественной археологии, включая те из них, которые не были сформулированы современниками достаточно отчетливо;
- конкретно-исторический анализ и интерпретация выявленных реалий археологической науки в их временном, пространственном, социальном и философско-культурном контекстах;
- реконструкция образов различных научных школ в отечественной археологии в рамках исследуемого периода;
- реконструкция образа ученого-археолога в России – СССР в рассматриваемый период – путем сравнительного анализа биографий ряда крупнейших исследователей;

- установление, на базе проведенных реконструкций, идейной основы, этапов развития и характера взаимодействия различных направлений в отечественной археологии в последней трети XIX – первой трети XX вв.

Хронологические рамки работы обусловлены стремлением рассмотреть развитие основных научных школ в отечественной археологии с периода их формирования до того переломного исторического момента, каковым явилось начало 1930-х гг.

Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что именно в период середины 1860-х – конца 1870-х гг. в России определились все основные направления, по которым шло развитие отечественной археологии в дальнейшем. Практически на каждом из этих направлений в поле были сделаны открытия мирового значения. На повестку дня встали вопросы о статусе, задачах и средствах археологической науки, а также дальнейшая разработка методики исследований (Лебедев, 1992: 159-162).

Верхней хронологической границей исследования является "Великий перелом" в СССР. На рубеже 1920-1930-х гг. коренным образом изменилась ситуация в отечественной науке вообще и в гуманитарной сфере, в частности. В результате была прервана или, в значительной мере, трансформирована деятельность очень важных научных направлений в археологии. Кажется вполне логичным довести рассмотрение материала именно до этого периода – ввиду качественных изменений, происшедших тогда в археологической науке.

Методология и методы. В диссертации использованы традиционные методы источниковедческого и конкретно-исторического исследования, а также ряд новых методик и подходов, разработанных в смежных областях – социологии науки, психологии, культурологии и т.д. Из числа традиционных, в первую очередь, используется комплекс методов критики источников, с целью извлечения из них информации и воссоздания: а) событий, прямо или косвенно влиявших на развитие отечественной археологической мысли; б)

фактов, характеризующих ее реализованные достижения и нереализованные ("упущенные") возможности.

На начальной, источниковедческой ступени исследования потребовалось определить последовательность сбора и использования обширного архивного материала, уяснить значение различных комплексов архивных источников, характер отражения одних и тех же исторических фактов в разных категориях документов.

Как важнейший инструмент исторического исследования в работе используется *конкретно-исторический подход*, представляющий собой рассмотрение и анализ реконструированных исторических фактов в их временном, пространственном и социокультурном контекстах. В рамках указанного подхода применяются *сравнительно-исторический и историко-генетический методы*. Они позволяют: а) сопоставлять друг с другом различные этапы и направления в развитии отечественной археологической мысли, выявлять в них общее и особенное; б) рассматривать формирование теоретических представлений и подходов в отечественной археологии в их развитии; в) реконструировать причинно-следственные связи между социокультурными явлениями и археологической наукой.

При обрисовке позиций ведущих ученых в диссертации широко применяется *биографический метод*. Кроме того, используется комплекс методов и понятий, разработанных в области культурологии, социологии науки, науковедения и т.д. Труды А. Койре, К. Поппера, Т. Куна и др., вышедшие в свет во второй половине XX в., произвели переворот в представлениях о развитии научного знания. Результатом этого, в частности, стало внедрение таких, ставших ныне классическими, понятий, как "парадигма", "нормальная наука", "научный кризис", "научная революция". Широко распространилось представление об "исторической целостности" образа науки. Наука предстала, как система идей и концепций, принятых научным сообществом, в определенном историческом контексте и во

взаимосвязи с идеями *непосредственных* предшественников и *непосредственных* преемников (Кун, 2003: 21).

Эта идея исторической целостности образа науки, получившая ныне признание и считающаяся последним словом мировой науки, серьезно разрабатывалась в России еще в 1910-х гг. А.С. Лаппо-Данилевским. Уже тогда он, в частности, указывал, что научная мысль требует рассмотрения "в генезисе, в зависимости от конкретных условий данного периода" и сквозь призму того значения, которое придавали ей сами ее создатели (Корзун, 1989: 69). Все они тесно связаны между собой, ибо отражают единый комплекс представлений о развитии научного знания.

Исследование различных видов источников показало крайнюю неоднозначность "образов" археологической науки, создававшихся разными поколениями ученых последней трети XIX – первой трети XX вв. В рамках различных научных школ и направлений формировались разные, порою совершенно антагонистические "образы" своей дисциплины, подлежащие анализу в конкретно-историческом ключе и совмещению в рамках единого хронологического периода.

Из числа разработок философии истории XX в. в работе использованы идеи Н.И. Ульянова, представлявшего развитие исторической науки в целом, как параллельную разработку двух основных "историософских сверхтенденций". Первая из них трактует развитие человеческого общества, как повторяющиеся циклы, и стремится к созданию универсальных схем истории. В рамках ее делаются попытки выявить "законы истории", в частности, путем перенесения законов естественных наук на исторический процесс. Вторая парадигма представляет собой "гегемонию исторического факта", как носителя исторической истины (Ульянов, 1981: 66-70). Согласно ей, процесс исторического развития единствен и неповторим. Все попытки перенесения естественноисторических закономерностей на человеческое общество заранее обречены на провал, ибо все они основаны на принципе

повторяемости явлений и могут быть проверены путем эксперимента. Историк же никакого эксперимента произвести не может (Базанов, 2006: 72).

Важнейшим инструментом историографического исследования, применяемым в диссертации, является понятие "научной школы". В современном науковедении это понятие остается дискуссионным. Смысл, вкладываемый в него в настоящей работе, не претендует на универсальность. Важнейшими факторами, обеспечивающими преемственность идей и подходов в ходе создания общности "учитель – ученики", являются:

- педагогическая и/или экспедиционная деятельность крупных ученых;
- развитие в ходе ее новых подходов к материалу, новых концепций и т.п., рождающих чувство *сопричастности* научным достижениям и перспективам;
- оперативный научный обмен между представителями школы, осуществляемый, как по формальным, так и по неформальным каналам.

Когда все эти факторы задействованы, в пределах научного сообщества образуется дополнительная сеть ("сгусток") многообразных и многоуровневых связей. В рамках ее возникают различные виды научной преемственности – в сложном переплетении. Общность такого плана я и называю *научной школой*.

В ряду наработок современной социологии науки, использованных в работе, особого упоминания заслуживают идеи крупнейшего французского социолога П. Бурдьё (1930-2002) (см.: Ритцер, 2002; Шматко, 2001). Мною используется предложенное им понятие научного символического капитала, состоящего в признании (или доверии коллег), которое даруется группой коллег-конкурентов внутри научного поля, а также представления Бурдьё о внутренней иерархии научного сообщества и его трактовка конфликтов в науке как борьбы за символический капитал (Бурдьё, 2001: 49-95).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав и заключения. Глава 1 ("Систематические обзоры и варианты периодизации отечественной археологии сер. 1860 – сер. 1930-х гг.") содержит краткую

историографию проблемы периодизации археологической науки в России, обоснование авторской периодизации и анализ важнейших обзорных публикаций по теме. В главе 2 ("Возникновение "национального направления" как преддверие становления научной археологии в России") рассматривается историко-культурный фон и особенности начального этапа развития научной археологии в России (1850-70-е гг.). Суть указанного процесса составили отход от антикварианизма и начало разработки отечественных памятников как *национальных древностей*. В главе 3 ("Археология как наука гуманитарного цикла в России: последняя треть XIX – первая треть XX вв.") рассматриваются научные школы и направления, развивавшиеся в России в рамках гуманитарного (историко-культурного) подхода к археологическим памятникам (до 1917 г.). Глава 4 ("Археология как естественно-историческая дисциплина в России: последняя четверть XIX – первая треть XX вв.") содержит характеристику естественноведческого подхода в археологии и развития этих традиций в последней трети XIX в. и в 1900-1910-х гг. Глава 5 ("Попытка общей систематизации археологических источников и создания теории археологии: В.А. Городцов и его школа (1890-1920-е гг.)" посвящена попытке общей систематизации археологических источников и создания теории археологии, предпринятой В.А. Городцовым. В главе 6 ("Структура отечественной археологической науки 1920-х гг. и основные направления исследований") рассматриваются структура археологической науки в СССР и судьба научных направлений, развивавшихся в отечественной археологии, вплоть до начала 1930-х гг. В заключении подводятся итоги исследования.

Научная новизна. В диссертации разработана целостная авторская концепция развития отечественной археологической мысли последней трети XIX – первой трети XX вв. и новый подход к ее периодизации.

Трактовка развития отечественной археологии определяется в работе признанием ключевого значения двух основных концептуальных платформ (подходов), прослеживаемых в русской археологии, начиная с середины –

третьей четверти XIX в. Первая из них (гуманитарная или историческая) определяла археологию в целом, как неотъемлемую часть истории (историю культуры). Вторая (естествоведческая или антропологическая) выделяла из нее первобытную археологию, как часть естествознания (антропологии в широком смысле слова).

В различные периоды времени научные школы, базирующиеся на разных концептуальных платформах, могли сближаться по ряду позиций или, напротив, обнаруживать тенденции к очень резкому размежеванию. Но важно отдавать себе отчет: за ними стояли не просто два методологических подхода, а две разных *системы* философских взглядов на человеческую природу и историю человечества.

Каждая из двух основных концепций была по-своему тесно связана и с практикой археологических исследований, и с характером запросов общества к археологии. В рамках обеих развивались целые серии научных направлений и школ. Их рассмотрению посвящены отдельные разделы диссертации

Практическая ценность работы. По материалам работы был подготовлен и прочитан спецкурс для студентов кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета "Марр, "марризм" и русская археология" (1995 г.). Программа спецкурса опубликована (Платонова, 2002г). В 2006-2008 гг. по материалам диссертации автором читались лекции для студентов-историков Томского ГУ, Воронежского ГУ и Новосибирского ГУ. Основные положения работы могут быть использованы в дальнейшем при написании обобщающих работ по истории русской науки и культуры, а также при создании учебников для высшей школы.

Источниковедческая база. Выводы, сделанные в диссертации, базируются на обширном материале – научных публикациях, заметках периодической печати, мемуарной литературе, опросных данных и достаточно широком круге архивных источников. В частности, в работе использованы материалы, собранные автором в архивах Российской

Академии наук (Санкт-Петербургского отделения), Российского Этнографического музея, Музея антропологии и этнографии РАН, Института антропологии при МГУ, Государственного Исторического музея, Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также материалы семейного архива Бонч-Осмоловских – Морозовых, находящегося в личном ведении диссертанта.

Поиск, предпринятый в архивах, позволил выявить факты, позволяющие по-новому осветить ряд процессов, происходивших в отечественном гуманитарном знании в рассматриваемый период. Весьма продуктивным оказался анализ материалов по личному составу археологических учреждений и различного рода стенограмм. Особняком стоят дневниковые и эпистолярные документы, а также неопубликованные мемуарные произведения. Наконец, ещё одна важнейшая категория источников требует особого упоминания. Это рукописи научных работ, проспекты к ним, материалы к лекционным курсам, тезисы и резюме докладов – то есть все то, что так или иначе не попало в печать, но, безусловно, напрямую характеризует развитие археологической мысли. Материалы этого круга позволяют в ряде случаев довольно сильно скорректировать сложившиеся представления о русской археологии рассматриваемого периода.

Публикации последней трети XIX – первой трети XX вв. представляют собой важнейший источник по истории археологической мысли. Многие из них в дальнейшем “выпали” из научного оборота и содержат почти уникальную информацию. Однако этот источник требует приложения достаточно изощренных методов научной критики. Имея дело с полемическими публикациями, порой бывает важнее понять, о чём они старательно умалчивают, нежели усвоить, что говорится в них напрямую.

Апробация работы. Все аспекты и положения работы были апробированы на научных заседаниях Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, Ученого совета ИИМК

РАН и семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки" при Санкт-Петербургском государственном университете (Тихонов, Платонова, 1992).

Основные положения диссертации были отражены в докладах автора на научных международных и региональных конференциях в Санкт-Петербурге (1990, 1995, 1996, 2003, 2006), Новосибирске (2006), Твери (2008), Томске (2008), Будапеште (Венгрия) (2002), Йотеборге (Швеция) (2004).

Основные результаты исследования опубликованы в 42 научных работах, вышедших в свет на русском и английском языках после защиты кандидатской диссертации. 9 крупных статей (более 1 а.л.), 1 публикация источника с научным комментарием на 0,5 а.л., 1 рецензия и 1 заметка напечатаны в рецензируемых профессиональных научных изданиях, 9 крупных статей – в составе тематических сборников и в различных журналах. 7 работ представляют собой очерки и статьи, подготовленные для серийных историко-научных изданий "Антология советской археологии" (М., 1995) и "Знаменитые универсанты" (С.-Пб., 2002). Остальные работы изданы в сборниках тезисов докладов и материалах конференций и семинаров.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается характеристика темы диссертации, определяются ее актуальность, цели и задачи, источниковедческая база, структура, хронологические рамки и методы исследования.

Глава 1. Систематические обзоры и варианты периодизации отечественной археологии сер. 1860 – сер. 1930-х гг.

Характеризуя степень изученности проблемы в научной литературе, можно выделить группу обобщающих работ, содержащих варианты периодизаций и концептуальных характеристик, которые, сами по себе, являются заметными событиями истории науки. Они фиксируют

определенные этапы и уровни осмысления археологических исследований в нашей стране.

Попытки обозрения отечественной археологии предпринимались в науке с сер. XIX в. (И.П. Сахаров, И.Е. Забелин, М.П. Погодин). Заслуживают упоминания специальные историографические разработки А.С. Уварова, созданные в 1870-х – начале 1880-х гг., но, к сожалению, опубликованные лишь посмертно, а также очерки Д.Н. Анучина, посвященные развитию отечественной антропологии в широком смысле этого слова. Однако, по большей части, вплоть до начала 1920-х из печати выходили лишь частные очерки, подводившие итоги деятельности отдельных организаций, научных предприятий и персоналий, так или иначе, связанных с археологией. В ряду их можно назвать очерк И.Е. Забелина, посвященный Обществу истории и древностей Российских (Забелин, 1889: III-XXXII) и Н.И. Веселовского об истории Русского Археологического общества (Веселовский, 1900). Сюда же примыкают анонимные работы Д.Н. Анучина о деятельности Московского археологического общества и по итогам первых Археологических съездов ([Анучин], 1890). Немалый интерес представляют очерки Д.Н. Анучина, Н.И. Веселовского, Н.Н. Ардашева и др., посвященные отдельным персоналиям или их научному наследию (напр.: Анучин, 1887; 1906; 1909; 1952; Ардашев, 1909; 1910; Веселовский, 1909 и др.). Все они могут рассматриваться, как свидетельства современников об очень близком для них прошлом или как справочные пособия, содержащие более-менее обширные подборки фактов.

Систематических обзоров пути, пройденного отечественной археологией, в дореволюционное время не было создано. Однако, в целом, период рубежа XIX-XX вв. отмечен подъемом в области методологии исторической науки. Многие отечественные историки обратились тогда к вопросам теории и истории своей области знания (А.С. Лаппо-Данилевский, Р.Ю. Виппер, П.Н. Милюков, Д.М. Петрушевский, Н.И. Кареев, Д.Я. Багалея, В.П. Бузескул и др.). В ряде этих работ история археологических

исследований России (или хотя бы ряд ее аспектов) анализировалась, как неотъемлемая часть *истории отечественной исторической науки*. Однако труды такого рода стали появляться в печати не ранее 1910-1920-х гг. Значительная часть их так и осталась в рукописях (например, историографические разработки А.С. Лаппо-Данилевского). Причиной этого явилась радикальная смена парадигм и мировоззренческих установок в отечественной исторической науке рубежа 1920-1930-х гг. Именно она сделала невозможными не только дальнейшую разработку материалов в прежнем ключе, но, в значительной мере, и публикацию уже сделанного.

Двухтомное "Введение в археологию" С.А. Жебелева (1923а; 1923б) стало первым трудом, включавшим в себя *систематическое изложение* на русском языке истории археологической науки (в первую очередь, классической археологии) с позиций гуманитария – профессионального историка-археолога. Книга выросла на базе лекционного курса, который автор читал на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета до I Мировой войны. В ней освещалось развитие археологии в Европе, России и отчасти в Северной Америке.

Необходимо заранее отметить принципиально важный тезис С.А. Жебелева о *методологической разработанности* классической археологии, далеко опередившей в этом отношении все другие ее "отделы". "...Вся, сложная теперь, археологическая дисциплина, со всеми ее разветвлениями, выросла ...на тех основах, на которых сформировалась археология классическая. Те методы, которые вырабатывались в классической археологии, постепенно были переносимы и усваиваемы прочими отделами археологической науки..." (Там же: 7). Соответственно, та история российской археологии, которую мы находим в книге С.А. Жебелева, есть археология глазами антиковеда – что сам автор заранее оговаривает.

Следующий по времени опыт обзора отечественной археологии принадлежит В.И. Равдоникасу. Но этим автором была поставлена уже принципиально новая задача: "диалектически снять" "буржуазно-феодальное

археологическое наследство... отвергая в нем все, противоречащее основам пролетарской идеологии" (Равдоникас, 1930: 6). Соответственно, книга оказалась посвящена выявлению "классового смысла" всей старой археологической науки, "якобы надклассовой, а на самом деле ультра-буржуазной" (Там же: 9).

В этих целях археологическое наследство Российской империи уверенно классифицировалось с социологической точки зрения. "Феодальная" или "дворянская" археология оказалась представлена в лице графа А.С. Уварова, графини П.С. Уваровой, графа А.А. Бобринского, Н.И. Веселовского и др. В этой "археологии", по мнению автора, присутствовали "любительство и дилетантизм, характерные для дворянского, барского отношения к науке". "Буржуазная" археология имела представителями И.Е. Забелина, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сизова, В.А. Городцова и др. "Мелкобуржуазными" археологами названы Ф.К. Волков, Б.С. Жуков и все благополучно здравствовавшие в 1920-х гг. представители палеоэтнологической школы (Там же: 38-40, 49).

Вопреки распространенному мнению, книга В.И. Равдоникаса не содержит периодизации, как таковой. Выделенные им "дворянская", "буржуазная" и "мелкобуржуазная" "археологии" явно существовали в России второй половины XIX – XX вв. одновременно и параллельно. Соответственно, никаких границ между периодами, даже в тенденции, установить невозможно.

Произвольность социологического построения В.И. Равдоникаса, видимо, ощущалась и им самим. Это инициировало многочисленные оговорки, призванные как-то сгладить несообразности. Разбросанные по тексту "оговорки" такого рода весьма красноречивы. По смыслу они нередко противоречат основному тезису автора, согласно которому "наиболее яркой чертой, выступающей в прошлом нашей археологии" был "сугубый эмпиризм, безнадежное уклонение от синтеза" (Равдоникас, 1930: 34; см. также: Платонова, 2002б). Так граф Уваров оказывается вдруг

"образованным, вращавшимся в среде буржуазных археологов человеком, далеко не чуждым... подлинных научных интересов" (Там же: 38). Порицая "методологию формального искусствоведения", автор признает Н.П. Кондакова "фигурой более сложного порядка, заслуживающей особого пристального изучения" (Там же: 39). М.И. Ростовцев, в трактовке Равдоникаса – "автор действительно важных археологических обобщений" (Там же: 33). И уж совсем неожиданным выглядит признание автора, что в 1920-х гг. "у нас начинается подлинный расцвет буржуазной методологии" (Там же: 49).

За оговорками недвусмысленно просвечивают истинные, куда более уважительные представления автора о современной ему русской археологической науке. Но все это буквально тонет в цветистых, полных пафоса обличениях ее, как "вещеведения решительно без всякого метода" (Там же: 34). За данной формулировкой отчетливо виден социальный заказ: дискредитировать "старую археологию" в целом, обосновать и оправдать её разгром, уже начавшийся в 1928-1929 гг. массовыми "чистками", увольнениями, травлей и арестами ученых (Перченко, 1991; Бонгард-Левин (ред.), 1997; Рорре, 1983: 109-131; Тункина, 2000 и др.). Те же цели с очевидностью преследовала и вышедшая двумя годами позже монография М.Г. Худякова, представлявшая собой, впрочем, ценную разработку по истории археологических исследований Поволжья (1932).

Несмотря на очевидную политическую ангажированность, указанной концепции была суждена долгая жизнь. Послесталинская историография в СССР воспроизвела ее главные тезисы почти без изменений (Монгайт, 1963; Вайнштейн, 1966). В дальнейшем представление об "эмпиризме" и методологической беспомощности русской археологии последней трети XIX – первой трети XX вв. стало азбучным и последовательно внедрялось в умы всё новых поколений. В несколько трансформированном виде та же концепция нашла отражение в трудах такого далекого от всякого официоза исследователя, как Л.С. Клейн (1993). Согласно его воззрениям, в русской

археологии, вплоть до конца 1920-х гг., господствовал "эмпиризм", который, однако, подготовил научную базу для будущих обобщений (Klejn 1977; Bulkin, Klejn, Lebedev 1982). Первые попытки синтеза, пусть несовершенные, появляются в работах молодых исследователей-марксистов рубежа 1920-х – 1930-х гг.

Лишь в 1990-2000-х гг. в литературе было озвучено мнение, что эта концепция, оказавшая столь сильное влияние на мировые представления о русской археологии, являлась не более, чем одним из вариантов *идеологического мифа*, широко распространённого в нашей стране в тоталитарную эпоху (Бонгард-Левин (ред.), 1997; Платонова, 2002б; 2004; Тихонов, 2003; Тункина, 2002 и др.).

В период с конца 1980-х по 2000-е гг. попытки создания общих периодизаций истории отечественной археологии были предприняты М.В. Аниковичем, В.Ф. Генингом, А.В. Жуком, Л.С. Клейном, Г.С. Лебедевым, В.И. Матющенко, А.А. Формозовым и др.

С точки зрения А.А. Формозова, для периодизации принципиальное значение имеют *положение археологии в системе наук своего времени и характер тех запросов, которые ставит ей общество* (то есть функции данной области знания в данном обществе в данный момент) (Формозов, 1983). Изменение указанных факторов может вызвать определенные изменения ориентации и связей науки, привести ее к движению в совершенно новом направлении.

В самой постановке проблемы, в выборе критериев периодизации у А.А. Формозова явно прослеживается влияние позитивистской исторической традиции. Именно ее родоначальник О. Конт, в частности, указывал, что историю каждой науки, как и истоки всех сделанных в ней открытий можно постичь "только путем прямого и всестороннего изучения истории человечества", то есть, говоря современным языком, исторического контекста развития науки. Таким образом, всякое открытие осмысливается именно, как *социальное явление*, а путь развития науки представляет собой

череду таких открытий, промежутки между которыми заполняются разного рода событиями социального характера.

Периодизация Г.С. Лебедева, как и периодизация А.А. Формозова, в первую очередь, отражает исторический контекст развития отечественной науки и изменения, происходящие в ней под влиянием внешних причин. При этом Г.С. Лебедев широко пользовался в ней понятием "парадигмы", заимствованным у Т. Куна. Каждому из шести периодов, выделенных им в рамках XIX – начала XX вв., соответствовала собственная "парадигма". Любая смена базовых концепций трактовалась им, как безусловный прогресс развития науки.

Однако выделенные Г.С. Лебедевым периоды нельзя однозначно связывать именно с движением археологической мысли. В гораздо большей степени, они отражают изменения социально-политической обстановки в России, стимулировавшей, в свою очередь, подвижки общественного сознания, включая отношение к науке, новые тенденции в культурной жизни и т.д. Тем не менее, попытка Г.С. Лебедева связать периоды с "парадигмами" представляет собой попытку отойти от позитивистской трактовки истории науки, как простой рефлексии на социальную жизнь, и увязать воедино историческую конкретику с внутренней логикой развития археологии в России.

В работе В.Ф. Генинга (1992) весь хронологический отрезок, рассматриваемый в моей работе (последняя треть XIX – первая треть XX вв.), укладывается в рамки одного-единственного крупного периода – "культурархеологии". Серьезных концептуальных различий внутри него автор не видит. Предлагаемая им трактовка понятия "научной революции" подразумевает полный переворот "мировоззренческих основ, объекта познания, теорий и методов исследования". Она заметно отличается от классической трактовки Т. Куна. Пожалуй, можно согласиться с автором, что, в пределах очерченного хронологического периода, действительно, нельзя проследить столь капитальных "скачков". Но из этого прямо вытекает

другое: на критериях, принятых В.Ф. Генингом, построить периодизацию археологии невозможно. Она попросту *не работает*, ибо не способна уловить и зафиксировать реальное движение археологической мысли в рамках даже такого длительного и богатого событиями временного отрезка, каким явилась в России последняя треть XIX – первая треть XX вв.

В историографических работах Л.С. Клейна периодизация истории науки – это, в первую очередь, периодизация идей, доминирующих концепций, научных школ. Выступив с развернутой критикой лебедевской концепции "парадигм", Л.С. Клейн указал, что в истории нашей науки различные базовые концепции (не "парадигмы"!) не "сняли одна другую", а, скорее, сосуществовали (Клейн, 1995а). Они развивались параллельно, отражая собой разные существенные стороны археологического исследования и периодически изменяя "соотношение сил" и влияний. С этим позднее согласилась И.В. Тункина (2001: 314). Близкие взгляды, начиная с середины 1980-х гг., развивал М.В. Аникович (1989). Указанный комплекс представлений, в целом, представляется очень плодотворным. Применительно к истории археологической науки, нам, действительно, следует говорить не о "смене парадигм", а о развитии и вариативности нескольких основных концепций, противостоящих друг другу, но в чем-то друг друга постоянно дополняющих.

С несколько иных позиций подходит к изложению истории русской археологии С.А. Васильев (1999; 2004: 37-38). Характерной чертой его работ является выделение археологии палеолита в особую дисциплину, рассматриваемую не только вне контекста исследований позднейших эпох, но даже вне контекста изучения неолита в России. Оставляя в стороне эту достаточно сложную проблему, отметим лишь один важный момент. В работах С.А. Васильева утверждается *изначальная параллельность* функционирования двух различных подходов в палеолитоведении. Первый из этих подходов – "исторический" – основан, в его трактовке, на представлении об археологических памятниках как "национальных

древностях", "остатках истории родного народа", доминировавшем в немецкой науке XIX в. и заимствованным оттуда А.С. Уваровым и его последователями. Именно этот подход, по мнению С.А. Васильева, возобладал потом в отечественной науке XX в. Второй, "антропологический" подход, начало которому в России было положено трудами Д.Н. Анучина, напрямую ассоциируется у С.А. Васильева с современным американским пониманием "антропологии".

В связи с этим, хотелось бы подчеркнуть следующее: восприятие археологических памятников, как *национального культурного достояния*, а порою и напрямую – как остатков жизни собственных прямых предков, было присуще в определенный период не только Германии и России. Влияние "национального фактора" на раннем этапе становления первобытной археологии, действительно, трудно переоценить – причем во всех без исключения европейских странах. Но вряд ли в нем следует искать истоки современного гуманитарного подхода в палеолитоведении.

В целом, систему научных представлений нельзя рассматривать одномерно, в единой плоскости. Она, по природе своей, иерархична. Преобладание того или иного подхода на данном отрезке времени вполне может объясняться конкретным сочетанием социальных, культурных, личностных факторов, влияющих на научную мысль. Но способность "базовых концепций" к возрождению на новых витках исследований представляет собой явление совершенно иного уровня.

А.В. Жук положил в основу своей периодизации отечественной археологии такой признак, как *состояние (разновидность) основного археологического источника*, являвшегося определяющим на том или ином этапе. На первых порах таковым является "отдельно взятый предмет". Но уже в период 1830-1880-х гг. основным источником становится "археологический комплекс" или, по определению А.С. Уварова, "совокупность признаков". Целью археолога становится "воссоздать действительную жизнь посредством памятников". Новые акценты выдвигают и новые приемы исследования.

Разворачиваются массовые раскопки курганов, начинают составляться археологические карты.

После 1880-х гг. наступает последний период развития дореволюционной археологической мысли, характеризуемый "возникновением археологического источниковедения". Основным источником становится типологический ряд. Этот этап насильственно обрывается в эпоху "Великого перелома" (Жук, 1995: 4-6).

Хотя отдельные тезисы А.В. Жука носят дискуссионный характер, его попытка построить периодизацию на основе внутренней логики развития археологической науки представляется очень перспективной. В методологическом плане она носит вполне пионерный характер. Наблюдения этого исследователя заслуживают самого пристального анализа и дальнейшей разработки.

Глава 2. Возникновение "национального направления" как преддверие становления научной археологии в России

В главе 2 рассматриваются различные концепции отечественной археологии XIX в., как они представлялись современникам, а также общественная подоснова и особенности развития национальной археологии в России.

Такое явление, как возникновение и развитие национальной археологии в нашей стране, следует рассматривать в рамках всего комплекса научного и культурного строительства, происходившего в рассматриваемый период. Отход от антикварианизма и начало разработки отечественных памятников – именно как *национальных древностей*, памятников родной истории – составляли самую суть процесса становления археологии как науки. В первой трети XIX в. этот процесс пошел в Европе повсеместно. В России главным вектором развития национальной археологии 1860-1880-х гг. явилось постепенное изживание национальной ограниченности исследований

и приближение к так называемой "позиции спокойного историка", сформулированной в конце XIX в. акад. С.Ф. Платоновым.

Говоря о "преддверии" развития научной археологии в России, необходимо особо отметить деятельность акад. К.М. Бэра. След, оставленный им в отечественной археологии, относится, в первую очередь, к области *идеологии* археологической науки. Именно Бэром впервые в России была сформулирована проблема влияния географической среды на культуру; причем перспективы ее исследования прямо поставлены в связь с дальнейшими работами в области археологии и этнографии. Им же впервые была широко поставлена проблема изучения древнейшей истории обитателей России, на базе изучения "древностей", понимаемых, как исторические "документы". Очень важен вклад К.М. Бэра в музейную археологию. Именно он в начале 1860-х гг. создал первый прецедент приобретения музеем ИАН коллекции каменных орудий.

В целом, становление русской национальной археологии обернулось резким расширением диапазона исследований. Внимание ученых привлекли принципиально новые категории памятников и контексты их находок. Если в России 1840-х гг. разработка национальных древностей строилась ещё на принципах антикварианизма, то уже 15-20 лет спустя ситуация круто изменилась. Свидетельством тому стали теоретические дискуссии на I, II и, в особенности, III Археологических съездах.

Глава 3. Археология как наука гуманитарного цикла в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.)

Формирование гуманитарной исследовательской платформы в европейской археологии произошло на базе предшествующих работ антиквариетов XVIII – первой трети XIX вв. На тот момент, указанный подход подразумевал изучение "древностей" – не только "вещественных", но изобразительных, палеографических, фольклорных и т.п. Древности анализировались: а) как продукты *творчества человека*; б) как остатки

"реальной" истории народов (выражаясь современным языком – истории в вещественных памятниках или истории культуры). Главной опорой, базой научного анализа служили методы, разработанные в науках гуманитарного цикла – сравнительном языкознании, филологии и истории. Хронология памятников устанавливалась на основе данных, почерпнутых из письменных, нумизматических, сфрагистических и иных источников.

Резкое разделение научных платформ – гуманитарной и естественноведческой – рельефно проявившееся в западноевропейской археологии в 1860-х гг., а в русской – с последней четверти XIX в. – не было присуще археологической науке изначально. В России, по крайней мере, середина и вся третья четверть XIX в. представляют собой период теснейшего сотрудничества ученых-гуманитариев и естествоиспытателей, причем идейные и мировоззренческие предпосылки, с которыми те и другие подходили к изучению древностей, зачастую оказывались достаточно близки.

В связи с этим, необходимо сделать краткий историографический экскурс в область западноевропейской археологии. Изучение первобытных эпох, особенно неолита и бронзового века, было успешно начато в целом ряде европейских стран уже в 1830-1840-х гг. Эти исследования зачастую представляли собой результат совокупного труда ученых самого различного профиля. Естествоведы, наряду с историками, стали широко принимать участие в раскопках археологических памятников в Северной и Средней Европе. Именно тогда было положено начало широкому использованию данных геологии, палеозоологии, химии и других естественных наук при анализе материалов из раскопок в Скандинавии (в ходе изучения кьёккенмёддингов), а позднее в Швейцарии (после открытия свайных поселений). Тогда же впервые было обращено серьезное внимание на петрографический состав изделий из камня, на химический состав древних бронз. Проводились первые сопоставления результатов с геологическими картами, с материалами рудных месторождений и т.д. (Лерх, 1863-1865, 1868; 1868а). Отдельному изучению стал подвергаться остеологический и

антропологический материал из раскопок. Однако в глазах самих учёных подобная практика диктовалась конкретными нуждами *исторического исследования* и отнюдь не переводила его в ранг естественнонаучных.

Данный комплекс идей был впоследствии назван скандинавским подходом в археологии. На русской почве он был инициирован трудами акад. К.М. Бэра, ориентировавшегося, в первую очередь, на разработки скандинавских и швейцарских археологов. Наиболее полное воплощение "скандинавская школа" нашла в трудах последователя Бэра – петербургского археолога П.И. Лерха, разрабатывавшего проблемы североевропейского неолита и бронзового века.

В методологическом плане П.И. Лерх ориентировался на разработки скандинавских ученых, ставших первопроходцами в области типологии и хронологии находок эпохи неолита и бронзы. Материалы, полученные в ходе разведок и раскопок, осмыслялись им в отчетливо эволюционистском ключе. В частности, ученый подчеркивал вероятность параллельного, независимого развития сходных форм каменных орудий на разных территориях и указывал на "преждевременность этнографических выводов" об их принадлежности одному народу. Вместе с тем, идея эволюции в культуре вполне уживалась у него с представлениями о важной роли миграций и культурных заимствований в историческом процессе.

Со смертью П.И. Лерха в русской археологии оборвалось непосредственное развитие "бэровской традиции", характеризуемой: а) органичным сочетанием гуманитарных и естественнонаучных методов в рамках историко-археологического исследования; б) профессиональной увязкой полученных данных с данными сравнительной лингвистики.

Историко-бытовое направление, изначально возникшее в рамках гуманитарного подхода, часто отождествлялось в отечественной историографии с собственно "национальной" археологией, занятой изучением русского человека, его культуры и т.д. (см. гл. 1). В основе такого мнения лежало то, что А.С. Уваров определил "русскую археологию", как

"науку, занимающуюся исследованием древнего русского быта по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом Русское государство" (Уваров, 1878: 32). В 1870-1880-х гг. указанное направление стало в России доминирующим. Его главными представителями и теоретиками принято считать двух видных учёных – И.Е. Забелина и А.С. Уварова. Их обобщающие труды, действительно, подвели итог целому этапу развития русской археологической науки – этапу, который в современной научной литературе по праву именуют "уваровским".

Г.С. Лебедев отождествлял данное направление исследований с особой "бытописательской парадигмой" археологии. Однако термин "бытописание", в применении к творчеству А.С. Уварова и его школы, следует признать совершенно неудачным, не отражающим истинных реалий науки второй половины XIX в. Понятие "древний быт" было очень распространено в археологической литературе 1860-1880-х гг. Но в русском языке того периода "история быта" являлась не чем иным, как эквивалентом современного понятия "история культуры". Поэтому историко-бытовое направление в отечественной археологии вполне может быть названо "историко-культурным".

Для данного направления, в целом, было характерно осмысление археологии, как комплекса специальных дисциплин, "параллельного" истории, как таковой. В трактатах А.С. Уварова и И.Е. Забелина это разделение не связывалось с различиями в характере источников – археологических и исторических, предполагающих разные методы изучения. На важность этих различий впервые было указано на III Археологическом съезде киевским историком и искусствоведом проф. П.В. Павловым. В его трактате, археология "обнимает все исторические науки, насколько содержание их выражается в материальных памятниках" и имеет "свой особый археологический метод, задача которого – приходить к научным выводам путём сравнения однородных вещественных монументальных памятников" (Протоколы... 1878. С. XVIII-XIX). Однако в 1874 г. эти тезисы

– передовые и весьма прозорливые для своего времени – не получили поддержки.

Неприятие концепции П.В. Павлова русскими археологами имело глубокую причину: предложение ограничить область археологии изучением одних вещественных памятников шло вразрез с исследовательской практикой того периода. На указанном этапе археологического изучения России, когда все полевые работы ещё носили "точечный", не систематический характер, в распоряжении археологов, как правило, не было ни серийного, ни массового материала. Не было и сколько-нибудь разработанной хронологии вещественных древностей – даже для наиболее поздних, "исторических" эпох. Ставить во главу угла "сравнение однородных вещественных памятников" на практике оказывалось весьма затруднительно.

Напротив, архивные изыскания, привлечение письменных и изобразительных источников в одних случаях позволяли сравнительно точно датировать "древности", а в других – объясняли их назначение и структуру. Отсюда и вытекала однозначная трактовка А.С. Уваровым археологии как *общей истории культуры*, "учения о древнем быте человека". Фактически, предмет науки определялся, исходя из реальной познающей деятельности учёных, которые не только могли, но были вынуждены, ввиду состояния источниковой базы, вести работу на междисциплинарной основе. Ситуация качественно меняется к рубежу XIX-XX вв., в связи с накоплением новых данных, настоятельно потребовавших более узкой специализации учёных в области исследования вещественных источников. Именно в этом направлении развивались общие представления А.А. Спицына, влияние которых на последующие судьбы отечественной археологии оказалось весьма значительным.

Научная школа Н.П. Кондакова, развивавшаяся в России, начиная с третьей четверти XIX в., представляла собой углубление и развитие винкельмановской традиции в русской археологии. Подход ее к анализу археологического материала заметно отличался от иных, существовавших в

то время в России. "Конечной целью исторической науки, – писал Н.П. Кондаков, – должно быть изучение... разнообразия культур, на основании широкого исследования памятников вещественных, данных этнографии, народной словесности, языка и т.п., *но пока всё это будет, археология должна озаботиться тем, чтобы извлечь возможно больше из своего собственного материала, то есть вещественных древностей или материалов, полученных из раскопок* (курсив мой. – Н.П.)." (Кондаков, 1896: 7). Предметом археологии признавалось не что иное, как формы предметов в их образовании и дальнейшем развитии. Главной задачей исследования считалось изучение "стиля", "типической формы предмета в её историческом изменении" (Кондаков, 1896: 7). По сравнению с формулировками его современников – русских археологов историко-бытового направления, трактовавших предмет археологии, как изучение "быта народов по памятникам" (А.С. Уваров) или изучение "единичного творчества человека в предметах" (И.Е. Забелин), такое определение являлось огромным шагом вперёд. Н.П. Кондаков интуитивно понял важное значение такого приёма, как установление характера и частоты сочетаний различных форм между собой. Суть его подхода заключалась в том, чтобы подвергнуть вещи сравнительному исследованию с точки зрения формы, техники, стиля, выяснить их происхождение и характер развития и уже на этой основе сделать допустимые исторические выводы.

Можно сказать, что Н.П. Кондаков одним из первых в России понял и постарался научно обосновать истинное значение *вещеведения*, а точнее – необходимость в археологии собственной изощрённой методики для работы с вещественными источниками. Впрочем, будучи практикующим археологом и новатором в области методики исследования вещевого материала, сам Н.П. Кондаков сохранял "весьма устарелые" понятия об относительной ценности археологической находки. Точная фиксация условий находки никогда не выдвигалась им, как непереносимое и основополагающее требование. "Массовый материал" для него как бы не существовал. Пренебрежение к

нему помешало учёному распространить свой подход на все категории находок и более чётко разделить археологическую науку и искусствоведение. Это сделали за него в дальнейшем его ученики (Тихонов, 2001). Развитие “школы Кондакова” в 1890-х гг. шло в направлении – от изучения эффективных вещей, выхваченных из общего контекста памятников, к изучению “реальных остатков древности во всём подавляющем множестве ничтожных, в сущности, вещей”.

Большое влияние на археологическую мысль начала XX в. в России оказала школа комплексного востоковедения В.Р. Розена. Роль ее отнюдь не исчерпывается результатами полевых работ востоковедов. Самым существенным было то, что В.Р. Розен, создатель Восточного отделения ИРАО, был, как и Н.П. Кондаков, теоретиком культурного процесса. В числе важных идей, высказанных им, была мысль о “культурном общении” как факторе и стимуле формирования новой культуры. По сути, здесь предлагалась гипотеза, по-своему объясняющая факт появления культурных инноваций. В этом же русле следовали догадки Розена о смешанном характере всех культур, об их многоэтнической природе (Платонова, 2002: 166-167).

По-видимому, в кругах петербургских гуманитариев эта идея в указанный период буквально “носила в воздухе”. Ее истоки можно найти уже в работах Ф.И. Буслаева. Высказывалась она и Н.П. Кондаковым – применительно к русским древностям эпохи раннего средневековья. В “соединении, взаимном ознакомлении, а затем и слиянии” различных племён Начальной Руси Н.П. видел “неиссякаемый источник... преуспевания, жизненных сил и дарований нации” (Кондаков, 1896: 6-7). В работах Л.С. Клейна данное направление археологической мысли *post factum* названо *комбинационизмом*. Сами историки-археологи школ Кондакова и Розена этого термина не употребляли. Однако общность их теоретического поиска сейчас, более 100 лет спустя, представляется очевидной.

Стремление отойти в трактовке материала от чисто этнических интерпретаций культурных явлений, разделить “культуру и этнос”, обнаружить источники развития внутри самой культуры, а не вне её, нашло воплощение в исследованиях петербургских востоковедов ещё при жизни их учителя. На материалах раскопок Ани, древней столицы армянских Багратидов, Н.Я. Марр старался показать сложный, смешанный характер средневековой культуры Закавказья, плодотворность взаимодействия там христианского (армянского) и исламского элементов.

В рамках гуманитарного подхода в 1890-1910-х гг. в России шла интенсивная разработка *теоретических основ археологии*. В частности, А.С. Лаппо-Данилевским была предпринята разработка теории исторического источника и тесно связанная с ней теоретическая разработка археологии, как отрасли исторического источниковедения. А.С. Лаппо-Данилевский впервые классифицировал “остатки культуры” по степени их *объяснимости* факторами, действующими на глазах историка, и указал на то, что их интерпретация представляет собой попытку “перевода образа мыслей автора на образ мыслей историка”.

В контексте современной науки эти формулировки столетней давности звучат вполне органично. На рубеже XX в. А.С. Лаппо-Данилевский сумел дать систематическое изложение задач и методов археологии и осветил проблему интерпретации материала с философской точки зрения. Однако его работы были прочно забыты советскими учеными и вполне могут считаться явлением исторической науки начала XXI века.

Отдельного упоминания заслуживает такой раздел отечественного гуманитарного знания, как церковная археология, представлявшая собой, вплоть до начала 1920-х гг., самостоятельную комплексную дисциплину. От этой дисциплины советская археологическая наука сохранила лишь отдельные практические приемы исследования средневековой культовой архитектуры. Возрождение ее началось лишь на рубеже XX-XXI вв. Между тем, теоретические разработки “церковных археологов” второй половины

XIX в. (например, И.Д. Беляева) представляют собой одну из интереснейших страниц истории нашей науки.

Глава 4. Археология как естественно-историческая дисциплина в России (последняя четверть XIX – первая треть XX вв.)

Наличие в русской археологии первой трети XX в. особой "палеоэтнологической школы", стремившейся как можно теснее связать археологические исследования с комплексом естественных наук, неоднократно отмечалось современниками. В основе развития палеоэтнологического направления в русской археологии лежала давняя традиция изучения памятников каменного века учёными-естественниками с помощью методов, подсказанных им их основной специальностью. К числу их принадлежали А.А. Иностранцев, В.В. Докучаев (основоположник отечественного почвоведения), И.С. Поляков, К.С. Мережковский, Э.Ю. Петри и др. Но ключевыми фигурами этого научного направления до 1917 г. являлись Д.Н. Анучин и Ф.К. Волков, оставившие целую плеяду учеников.

Понятие "палеоэтнология" (*palethnologie*) было введено в науку в начале 1860-х гг. Основателем новой дисциплины стал французский естествоиспытатель и археолог Г. де Мортилье – последовательный эволюционист и ярый антиклерикал, усиленно акцентировавший ее естественнонаучный характер и ее теснейшую связь с геологией и палеонтологией. За его заменой "доисторической археологии" на "палеоэтнологию" лежала попытка кардинального философского переосмысления "начала мира" на базе новой, эволюционистской парадигмы науки.

Внешне естествоведческая платформа Г. де Мортилье очень близка по духу современной археологии. В историографической литературе суть воззрений французских палеоэтнологов-эволюционистов обычно определяется, как система представлений о *природно-культурном единстве доисторической эпохи* (Жук, 1987: 18). Само по себе, это находит самый

живой отклик среди современных учёных: палеоэкологические исследования воспринимаются ныне, как важнейшая часть археологии, порой даже оттесняя на дальний план непосредственную работу с коллекциями.

Однако для Г. де Мортилье вопрос о взаимоотношениях человека и среды в первобытности отнюдь не стоял на первом плане. Что реально лежало в основе его научной платформы? – Безусловно, немалую роль сыграл субъективный фактор – резкая оппозиционность самого учёного господствующим тенденциям французской науки о древностях. Создавая, фактически, новую научную дисциплину, Мортилье стремился дистанцироваться от классической археологии, тяготеющей к истории искусства, и подчеркнуть связь с традициями эволюционизма в этнографии сер. XIX в. Его термин "палеоэтнология" буквально означал этнологию/этнографию древности.

В философском плане платформой французской палеоэтнологии стал позитивизм, выдвигавший на первый план "положительное знание" или *науки, основанные на опыте*. Всё, что не могло быть непосредственно проверено опытом, не считалось наукой вообще и называлось "метафизикой". Однако историю, как таковую, позитивисты без колебаний признавали "положительной" наукой, имеющей предметом исследования *законы развития человечества*. В силу этого принципа, история называлась в литературе 2 пол. XIX в. *"естественной наукой", исследующей жизнь общества, как единого "организма"*. Стоит отметить: в среде археологов подобные представления отстаивались не только естествоведами. Приверженцем их в России был, к примеру, И.Е. Забелин – с современной точки зрения, типичный учёный-гуманитарий. Об этом расхождении понятий нам следует помнить сейчас, анализируя археологическую мысль 150-летней давности. Для Г. де Мортилье "комплекс естественных наук" закономерно включал в себя и позитивную науку историю. Новая дисциплина трактовалась им однозначно, как часть "преистории" (дописьменной

истории). Тем не менее, в его работах чётко прослеживается установка на обособление науки о каменном веке от последующей истории человечества.

Положение о единстве человека и природы было заимствовано эволюционистами у просветителей (Вольтер, Руссо). Согласно представлениям "Золотого века" эволюционизма (т.е. первых десятилетий после выхода "Происхождения видов" Ч. Дарвина), наука о первобытности являла собой совершенно особый период – "естественно-историческое введение" к собственно человеческой истории. Древнейшая история материальной культуры выступала в этой системе, как предмет "естественно-исторического познания", в едином контексте с физической антропологией. В совокупности, они должны были "изучить человека *в состоянии перехода от естественного, первобытного состояния* к жизни общественной и культурной (курсив мой. – Н.П.)" (Анучин, 1900: 25-27). Закономерным выводом из такой установки стало разделение всех народов на "естественные" – "Naturvölker" (т.е. примитивные, объединенные физическими свойствами, *до-исторические*) и "культурные" (т.е. духовно развитые, объединённые культурными традициями, *исторические*). Детально разработанная марбургским филологом Т. Вайцем в 1859-1872 гг., эта гипотеза стала зерном, из которого выросло дальнейшее разделение археологической науки на две дисциплины – палеоэтнологию (культурную антропологию) и собственно археологию.

Разумеется, хронологические границы, до которых простирался предполагаемый период *перехода* человека из "естественного" состояния к культуре, во все времена представлялись настолько зыбкими, что мало кто делал попытки их провести. Тем не менее, данный комплекс представлений оказался очень живучим, ибо он закономерно вытекал из самых основ эволюционистского мировоззрения. Потому и значительная часть учёных второй половины XIX – начала XX вв. молчаливо признала каменный век сферой компетенции естествоведов.

Таким образом, предметом изучения палеоэтнологии во времена Мортилье являлся гипотетический "естественный человек" в окружающей его природной среде. Каменный век и, особенно, палеолит однозначно представлялись тогда "переходным периодом" от человека-животного к человеку разумному. Таким образом, первобытная археология закономерно объединялась в единый комплекс с этнографией, физической антропологией, географией, зоологией и пр., но отделялась, как стеной, от археологии "культурных", цивилизованных народов.

Применительно к каменному веку, французская палеоэтнология претендовала выявить в развитии культуры те же непреложные закономерности, какие естествовед открывает в живой природе. Как известно, Г. де Мортилье строил свою периодизацию, в отличие от Э. Ларте, на археологических материалах – что и является его главной заслугой перед мировым палеолитоведением. Однако сам её принцип – выделение ограниченного набора ведущих типов – был заимствован из палеонтологии. Перерыв или нарушение принципа однолинейного прогрессивного развития в материальной культуре палеолита воспринимались учёным, как покушение на святая святых эволюционного учения. Это обусловило, в частности, категорическое неприятие его сторонниками открытия в 1879 г. монументального верхнепалеолитического искусства, а также длительный и ожесточённый характер дискуссии об ориньяке, вошедшей в историю археологии, как "ориньякская баталия" (Djindjian, 2006: 245-246).

В начале XX в. палеоэтнологическая парадигма изучения "естественного человека", объединенного в сообщества по своим физическим свойствам, стала рассыпаться на глазах. В палеолите шаг за шагом выявлялись следы весьма сложных культурных явлений и традиций, несомненно, представляющих собой предмет исторического познания. "Животное" состояние человека отодвигалось куда-то в необозримую даль времён. Поэтому уже после 1898 г., когда умер Г. де Мортилье, само понятие

"palethnologie" практически перестало употребляться во французской археологической литературе.

По иронии судьбы, заимствование термина "палеоэтнология" в России произошло в середине 1900-х гг. – т.е. тогда, когда это понятие уже вышло из обихода на родине. Напрямую оно связано с деятельностью Ф.К. Волкова – ученика Г. де Мортилье. Привлекательность палеоэтнологического подхода для молодёжи, учившейся в ту пору на естественных отделениях русских университетов, объясняется просто. В предшествующие 20 лет исследования первобытных памятников в России оказались, по большей части, свёрнуты, в силу политической реакции. Вопрос о применении естественнонаучных методик анализа, начавший разрабатываться в русской археологии 1860-1880-х гг., заглох потом сам собой. В университетах доминировала классическая археология с её строгим филологическим методом исследования, а также тесно с ней связанная археология варварских провинций Римской империи. Но в среде молодёжи начала XX в. уже назревало стремление дистанцироваться от этой области знания. Слишком многие ассоциировали её с надоевшей системой классического образования, закрывавшей двери университетов перед "реалистами", не державшими экзамена по греческому и латыни. Напротив, палеоэтнологическая парадигма, возвращавшая права естественнонаучным методам и подходам воспринималась в начале XX в., как новаторская и оппозиционная господствующим тенденциям.

Если проанализировать установки палеоэтнологов – учеников Ф.К. Волкова в 1910-1920-х гг., вывод будет один: несмотря на искреннюю приверженность самого Волкова несколько запоздалому эволюционизму, несмотря на восторженное уважение к мэтру со стороны его учеников, теоретическая платформа русской палеоэтнологической школа не стала прямым продолжением традиции Г. де Мортилье. Быть может, независимо от желания самого основателя, её развитие в России возрождало эколого-культурный подход к исследованиям, имевший глубокие корни на русской

почве в трудах К.М. Бэра, И.С. Полякова, А.А. Иностранцева, Д.Н. Анучина и др. На первый план выступило не эволюционное развитие культуры в первобытную эпоху, а сопоставление археологических данных с данными географии и вопрос о соотношении культуры и природной среды. Напротив, установка на выявление *законов* развития культуры и представление об археологии, как об этнографии древности, сохранили свою актуальность. Но трактовка их мало напоминала эволюционизм Мортилье. Она была ближе к установкам американской "школы исторической этнологии" Ф. Боаса. В частности, в 1920-х гг. особенно подчеркивалась плодотворность установки Ф. Боаса на "изучение диффузии в пределах ограниченной территории для того, чтобы *познать динамику самого процесса диффузии*". Динамика культуры, прослеживаемая на материале живой этнографической общности, представлялась исследователям ключом к расшифровке загадок археологии.

Изначальный принцип французской палеоэтнологии – представления о "естественном человеке", чья культура развивалась по законам, сходным с законами биологического мира – вслух никем не опровергался, но как-то позабылся, отступил на дальний план. Не случайно курс палеоэтнологии Ф.К. Волкова включал не одну археологию первобытности (или эпоху *перехода* от "Naturvölker" к культурным сообществам), но археологию варварского мира и частично даже средневековья. Сам подход Ф.К. к анализу культуры эпохи неолита, бронзы и железного века тоже нельзя квалифицировать, как линейный эволюционизм. В этой области он, скорее, стоял на диффузионистских позициях. Однако модернизация "схемы Мортилье", предпринятая в 1900-1910-х гг. А. Брейлем, вызывала у Волкова протест. В вопросе об эволюции палеолита он, действительно, оставался "последним из могикан".

Впрочем, ученики быстро преодолели эти устаревшие позиции учителя. В частности, П.П. Ефименко уже в 1915 г. выдвинул на первый план изучение *ареалов* верхнепалеолитической культуры и путей миграции отдельных культурных элементов. Тогда же им был намечен вопрос о

выделении особой восточноевропейской фации верхнего палеолита и о различиях в темпах культурных изменений, вследствие воздействия природной среды, стимулировавшей развитие культуры (Васильев, 1999: 19).

С другой стороны, уже в 1910-х гг. стали налаживаться связи между палеоэтнологами школы Волкова и археологами-историками. В частности, Л.Е. Чикаленко посещал занятия по археологии на историко-филологическом факультете. С.И. Руденко в 1916 г. сотрудничал с М.И. Ростовцевым в области исследования сарматских курганов у с. Покровка и Прохоровка Оренбургской губ. В дальнейшем, уже в ходе организации РАИМК в 1919 г. А.А. Миллером было выдвинуто требование распространять "научные методы" палеоэтнологии не на одно исследование первобытности, но на *все* разделы археологии. Развитие палеоэтнологической школы до 1930 г. шло в направлении её постепенной интеграции с "исторической археологией". Ключом к расшифровке загадок археологии представлялась "динамика культуры", реконструированная на материалах живых этнографических общностей. Однако исчезла пропасть между такой "динамикой" в каменном веке и в более поздние эпохи

Теоретико-методологическую платформу палеоэтнологии ныне приходится восстанавливать по крупицам, на материалах самых различных источников. Её попросту *не успели* систематически изложить в печати. Разносная критика палеоэтнологической школы с позиций вульгарного социологизма и последующий организационный разгром привели к тому, что само её существование стало замалчиваться в историографии. В послесталинский период о ней уже прочно забыли. Имена видных палеоэтнологов, переживших период репрессий (С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловского, Б.А. Куфтина, М.П. Грязнова и др.), на время попросту перестали ассоциироваться с указанным направлением в глазах последующих поколений учёных.

Историографы позднейшего периода нередко отождествляли российскую палеоэтнологическую школу с одной московской её "ветвью",

называвшейся в 1920-х гг. школой Б.С. Жукова. Причина понятна: в 1929-1930 гг. именно Б.С. Жуков и его приверженцы стали главным объектом критики археологов-марксистов. Палеоэтнологи "ленинградской ветви", представленной в науке такими именами, как П.П. Ефименко, А.А. Миллер, С.А. Теплоухов, С.И. Руденко, Г.А. Бонч-Осмоловский и др., не рассматривались критикой эпохи "Великого перелома", как единое целое.

Русские палеоэтнологи отрицали возможность исторической реконструкции минувших эпох по одним археологическим данным. С их точки зрения, интерпретировать памятники следовало на основании тех закономерностей, которые устанавливаются на материалах *живой этнографической культуры*. Чтобы сопоставления не носили случайного характера, источники – этнографические и археологические – надо было исследовать самыми современными методами. Отсюда проистекало важнейшее требование, выдвинутое учёными 1920-х – *параллельность археологического, этнографического и антропологического обследования каждого конкретного региона* (этот план всестороннего изучения населения явился научным завещанием Д.Н. Анучина).

Материалы разновременных раскопок прежних лет, накопившиеся в музейных фондах, не годились для наблюдения природы и механизма происходивших в материальной культуре изменений. По характеру "первоначального оформления", они не удовлетворяли "элементарным требованиям, предъявляемым к источнику". Таким образом, параллельно с формулировкой новых задач и новых вопросов, встала проблема *сбора и оформления нового корпуса источников*.

На этом новом материале предполагалось изучить процессы диффузии и заимствования, этнического смешения и миграции, выявить их *законы* и проследить характер отражения этих явлений в материальной культуре. На практике, на этнографическом материале в экспедициях шла отработка представлений о *несовпадениях языковых и культурных характеристик этнической общности*, о различных путях историко-культурного процесса, о

явлениях смены языка при непрерывности в развитии материальной культуры и т.д.

Создание корпуса эталонных источников предполагало совершенствование полевой методики. Но масштабные полевые исследования 1920-х, по сути, являлись для археологов не самоцелью, а лишь *средством на пути создания эталонной базы данных*. Это был сознательно определенный план действий, имевший целью реально вывести науку на новый этап.

Повышенное внимание к географической среде обитания древнего человека, а также к *технике изготовления и функциям* археологических предметов было для палеоэтнологов традиционным. В 1920-х они разработали целый ряд новаторских методов. Следует упомянуть усиление интереса к массовым материалам и введение понятия “*цельного комплекса*”, а также первые опыты статистической обработки материала и комбинаторики в археологии. Перспективность дальнейшего развития этого направления археологической мысли не подлежит сомнению. Только сейчас, в ходе освоения идейного наследия первой трети XX в., становится понятным, какой ущерб понесли российская и мировая наука в результате разгрома палеоэтнологии в начале 1930-х гг.

Глава 5. Попытка общей систематизации археологических источников и создания теории археологии: В.А. Городцов и его школа (1890-1920-е гг.)

Школа типологических исследований В.А. Городцова сложилась в 1900-х. Её появление и дальнейшее развитие свидетельствовало о достижении русской археологией уровня зрелости. “Самая наука начинается с классификации... Когда классификация окончена, невольно возникает вопрос: к чему она? Ответ на этот вопрос и составляет теоретическую часть науки...” (А.С. Лаппо-Данилевский).

Именно с В.А. Городцова начинается широчайшая популяризация *типологического метода* в России. Новизна его подхода заключалась,

разумеется, не в признании важности типологии, как таковой. Изложение основ типологического метода на русском языке (И.Р. Аспелина) вышло из печати ещё в 1877 г., и явилось одним из первых в мировой науке. Но только В.А. Городцов начал рассматривать типологию, как универсальный метод археологии, считая, что его разработка позволит превратить её в точную науку – *науку о вещах, о феномене их развития*. В противовес воззрениям многих своих современников, он утверждал, что археология – это наука самостоятельная, способная установить *законы существования и развития вещественных памятников*. Его собственная вера в свою правоту была стопроцентной, работоспособность – титанической, упорство – колоссальным. Попытка В.А. Городцова “заглянуть в подтекст” типологического метода, дать ему теоретическое обоснование и определить основные понятия стали первым в мировой археологии опытом такого рода.

Основу классификации Городцова составило понятие *тип* как совокупность предметов, сходных по материалу, форме и назначению. Назначение предмета (выражаясь современным языком – функции) было основой деления на *категории*. Вещество (совр. – материал) – основой деления на *группы*. Форма, присущая нескольким типам – на *отделы*. Наконец, форма, присущая только одному типу, лежала в основе деления на собственно *типы*. В конечном счёте, В.А. Городцов уподобил археологическую систематику биологической. Критическое восприятие его работ многими современниками объясняется чрезмерной жёсткостью и искусственностью городцовской системы.

Действительно, выстроенное типологическое здание не отражало *реальной* сети взаимосвязей в материале. С другой стороны, высокий научный уровень источниковедения в России уже на рубеже XIX-XX вв. привел историков к осознанию особой сложности процесса извлечения информации из источников (А.С. Лаппо-Данилевский). На этом фоне городцовские представления о типологии как универсальном ключе к познанию исторического процесса были восприняты рядом его

современников, как дилетантский подход. Немало способствовали тому и личные обстоятельства. Вообще личностные качества В.А. Городцова наложили достаточно глубокий отпечаток на развитие отечественной археологии XX в., а его педагогическая деятельность стала фактором, определившим её лицо на много десятилетий вперёд.

Так или иначе, концепция В.А. Городцова была цельной системой взглядов, находившейся в противоречии с другой цельной системой, которой придерживались классики палеоэтнологии. Следствием этого стало взаимное отрицание. На практике В.А. Городцовым был разработан методически строгий подход к исследованию материала на всех уровнях – от полевых работ до полной его систематизации и построения колонки культур (Лебедев, 1992). Значения его полевых работ не отрицал никто из современников. Но стремление ввести новую, отличную от западной, систему понятий, новую терминологию, – всё это раздражало (Жуков, 1925). Теоретические выкладки В.А. Городцова долгое время принимались в расчёт лишь собственными учениками. Впрочем, их было не так уж мало. Расцветом типологических исследований в СССР в 1920-х гг. русская археологическая наука обязана именно школе В.А. Городцова.

Глава 6. Структура отечественной археологической науки 1920-х гг. и основные направления исследований

Структура археологической науки в СССР 1920-х гг. радикально отличалась от той, что имела место в царской России. Сразу после революции вся она оказалась коренным образом перестроенной. Эта первоначальная перестройка отнюдь не была инициирована «сверху». Центральная власть в лице руководства Наркомата просвещения, вплоть до 1924 г., скорее санкционировала, чем реально направляла процесс преобразования археологических научно-исследовательских и музейных структур. Идеи такого преобразования, в действительности, уходили корнями в русскую научную мысль и культуру предреволюционного периода

(Платонова, 1989). Собственно, начало этого процесса опередило октябрьский переворот 1917 г. Реформы в области науки реально начались уже после февральской революции (Знаменский, 1988). По своим традициям отечественная археология 1920-х гг. еще неотделима от эпохи “серебряного века” в России – хотя условия работы ученых в эти годы различались очень сильно.

В рамках первого послереволюционного десятилетия можно выделить несколько более узких периодов, для каждого из которых характерно единообразие исторических условий и единые, в целом, тенденции развития археологии в СССР.

Уже к середине 1924 г. в стране была, в основном, создана принципиально новая структура археологической службы. Она включала два крупных научно-исследовательских института (РАИМК в Ленинграде и ИАИ РАНИОН в Москве), около десятка крупнейших столичных музеев, имевших археологические отделы и секции, а также более 300 провинциальных краеведческих музеев. Формально и вся музейная сеть, и исследовательские учреждения были подчинены Главному Комитету по делам музеев и охране памятников при Наркомате просвещения, однако грубого вмешательства властей во внутреннюю жизнь науки в указанный период ещё не было. Подготовка археологов велась в университетах на археологических отделениях Факультетов общественных наук (ФОНов). Параллельно археологию продолжали преподавать на антропологических и этнографических отделениях физико-математических факультетов, что было начато задолго до революции усилиями Д.Н.Анучина и Ф.К.Волкова. В комитетах и комиссиях Академии наук велась подготовка крупных комплексных экспедиций по обследованию окраин СССР, начавшихся с 1924 г.

Противоречия между наукой и властью отчётливо проявились уже в 1925-1927 гг. Они касались сферы методологии археологической науки, её организации и кадровой политики. Главным методологическим

противоречием являлось то, что археологическая мысль 1920-х гг. шла по пути *поиска закономерностей развития живой этнографической культуры и экстраполяции их на культуру археологическую* (см. гл. 3). Однако дальнейшее развитие её в таком направлении было возможно лишь при одном условии – что отечественная наука в целом останется неподконтрольной (по крайней мере, напрямую) действующему диктаторскому режиму. Только в этом случае российские этнологи могли бы беспрепятственно вести исследования *современных* культурных и социальных процессов, давая им по возможности объективную оценку. В условиях НЭПа такая перспектива представлялась вполне реальной. В ходе начатого комплексного антрополого-археолого-этнографического обследования окраин СССР, особый упор делался на *практическую полезность* (по сути – прикладной характер) этих работ:

«...С перемещением административных и экономических центров, с изменением границ... нынешние республики представляют организмы, не всегда в надлежащей мере себя осознавшие и хозяйственно сложившиеся. Правительства республик испытывают настоятельную потребность возможно быстрее получить сводку... того, что известно о природе и населении их страны, ... с тем, чтобы наметить пути наиболее правильного хозяйственного и культурного строительства... Наметить путь дальнейшего развития народного хозяйства возможно только тогда, когда... известно прошлое и установлена причинная связь и зависимость между прошлым и настоящим. Отсюда понятно устремление антропологических отрядов в область палеоэтнологии, причём здесь они обычно от практических вопросов переходят в область разрешения научных проблем и эволюции культур в пределах данной... области» (С.Р., 1928: 77-78).

Данный пассаж, принадлежащий перу С.И. Руденко, отражает собой вполне реальную ситуацию, сложившуюся в русской науке в указанный период. На какое-то время после объявления «новой экономической политики» советская администрация была вынуждена в делах управления

руководствоваться разумом. Это сразу стимулировало поиск средств анализа социальной действительности и социальных прогнозов. Тогда и нашлись деньги на исследования очень широкого масштаба, проводившиеся АН СССР. Учёные постарались воспользоваться случаем. Приведенная выше цитата представляет собой декларацию лояльности и готовности сотрудничать с новой администрацией, но... в обмен на полную свободу действий в собственной области.

Однако параллельно в указанный период наблюдается действие прямо противоположных тенденций. Так открытие в 1925 г. первой аспирантуры по археологии, имело отчётливую идеологическую направленность. Руководство Наркомата просвещения даже не скрывало, что *новое поколение учёных-марксистов, окончивших аспирантуру, должно стать могильщиком «старой» археологии*. Таков был поставленный ему социальный заказ.

Именно в этот период – в 1925-1927 гг. – появились первые признаки того, что уже зародившаяся опасная лженаука XX в. – яфетидология Н.Я. Марра – пользуется поддержкой со стороны официальных идеологов марксизма. В дальнейшем именно эта лженаука породит *теорию стадильности* в археологии, которая представит собой желанную альтернативу всем другим направлениям развития археологической мысли в СССР.

Таким образом, практически во всех важных для науки аспектах период 1925-1927 гг. – разгар НЭПа – предстаёт ареной *разнонаправленных тенденций*. Впрочем, несмотря на всё это, научная жизнь протекала в те годы исключительно напряжённо и плодотворно.

Конец 1929-1930 гг. стал началом периода разгрома, реально продолжавшегося вплоть до 1934 г. Данный период принадлежит уже следующему этапу развития отечественной археологии – этапу, главной характеристикой которого стала её предельная политизированность.

Особую проблему представляет собой трансформация образа археологической науки, запечатлевшаяся в умах современников "Великого

перелома" 1929-1934 гг. Мифологизация различных сторон современной действительности в этот последний период достигла таких масштабов, что стимулировала публичные оценки научных явлений "с точностью до наоборот". Ярким примером тому явились прославление "марризма", погромные дискуссии, инициировавшие политические "дела" против ученых, и т.д. Обязательным атрибутом науки периода тоталитаризма являлось создание в рамках каждой научной дисциплины новой агрессивной историографической концепции, призванной дать ей новое, во многом, одностороннее освещение, напрямую продиктованное идеологией тоталитарного государства.

В археологии подобная агрессивная концепция оказалась создана В.И. Равдоникасом. Суть ее сводилась к тому, что до 1930 г. археологическая наука в России была отсталой, а первые теоретические обобщения появились лишь в результате экспансии марксизма на рубеже 1930-х. На протяжении десятилетий за указанной концепцией стояла мощная пропагандистская машина, подчинившая себе всю систему археологического образования, а, с некоторыми оговорками, и научную практику. Задачей ее было обеспечивать поддержку данному варианту *идеологического мифа*. Влияние этого мифа на последующие поколения археологов было огромным. Ощущается оно и по сей день.

Заключение

Настоящая диссертация представляет собой исследование истории археологической мысли в России – СССР последней трети XIX – первой трети XX вв. Стержнем, определившим отбор материала, стал анализ основополагающих идей, методов и научных школ, развивавшихся в археологии в указанный период. Ключевое значение для работы имело понятие образа науки (в данном случае – археологии), существовавшего в представлениях самих ее творцов на различных этапах ее развития. В него входит система представлений о собственной научной дисциплине,

отразившая особенности видения эпохи её современниками и переданная последующим поколениям археологов – полностью или частично.

В диссертации проанализирована не только та часть научного наследия прошлого, которая оказалась воспринятой и развитой непосредственными преемниками в 1930-1950-х гг. Не меньшего внимания заслуживали случаи разрыва прямой преемственности. "Скрытая" часть наследия значительно реже попадала в поле зрения историографов. Между тем, она включает не только то, что, действительно, устарело, но и то, что оказалось понятным лишь в контексте археологической мысли позднейшего периода ("забегание вперед").

К "верхней части айсберга" следует отнести идейное наследие А.А. Спицына и В.А. Городцова. Именно оно, взятое в целом, послужило основой того лучшего, что мы имеем в отечественной археологической науке середины XX в. Конечно, пристальное изучение выявляет и том, и в другом случаях отдельные "скрытые" аспекты, оставленные без внимания ближайшими преемниками. Эти аспекты рассмотрены в настоящей работе достаточно подробно.

К "нижней части айсберга" относится, в первую очередь, теоретико-методологические подходы и разработки, отвергнутые и прочно забытые в период господства агрессивной концепции. В первую очередь, к ним можно отнести теоретическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского и Н.Н. Ардашева, а также принципиально важные разработки К.М. Бэра, П.И. Лерха, П.В. Павлова, Н.П. Кондакова, В.Р. Розена и их учеников. В тот же разряд входят материалы, дающие представления о методологических поисках палеоэтнологической школы – наследие С.И. Руденко, А.А. Миллера, Г.А. Бонч-Осмоловского, Б.С. Жукова и др. Для этого последнего направления было характерно повышенное внимание к географической среде обитания древнего человека. В 1920-х гг. в рамках его был разработан целый ряд новаторских подходов. Большая часть этих начинаний не получала прямого продолжения в отечественной науке, вплоть до последней четверти XX в.

Точнее, продолжение имели лишь отдельные аспекты деятельности палеоэтнологов, помещенные в совершенно иной исследовательский контекст.

Развитие археологической мысли в России в указанный период представлено в работе не в виде процесса однолинейного прогрессивного восхождения, а как непрерывное взаимодействие весьма противоречивых тенденций. По результатам анализа источников можно с уверенностью утверждать: конкретные методические установки всегда принадлежат своему времени и в дальнейшем устаревают. Открытия, сделанные на одном из путей научного поиска, через короткое время становятся достоянием и других, в том числе весьма далеких от него: обмен информацией идет непрерывно. А вот концептуальные платформы ("базовые концепции") обнаруживают способность возрождаться и обновляться на новых витках исследований. В основе данного явления лежит непреходящее различие и постоянное взаимодействие разных *философских* подходов к истории человечества. Усиление и, напротив, ослабление их влияния на науку формирует, наряду с социальными факторами, те концептуальные платформы, в рамках которых возникают научные школы, являющие собой иной, уже собственно "научный" уровень постижения фактов.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА. 1989. № 4. С. 5-16.
2. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции "Археология и социальный прогресс". Вып.1. М. Наука, 1991. С.45-78.

3. Рецензия: *Bruce G. Trigger. A history of archaeological thought. Cambridge. 1889. XIII.* // РА. 1992. № 3. С. 251-262 (совместно с Вишняцким Л.Б., Зуевым В.Ю., Колпаковым Е.М., Тункиной И.В.).
4. Научный семинар "Проблемы истории и историографии археологической науки" // РА. 1992. № 3. С. 276-279 (совместно с Тихоновым И.Л.).
5. Русская археология на исходе 1920-х гг. // Проблемы истории отечественной археологии. – С.-Пб.: С.-ПбГУ, 1993. С. 8-9.
6. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. С.-Пб.: С.-ПбГУ, 1995. С. 121-144.
7. Сергей Александрович Теплоухов. 1888-1934 // Антология советской археологии. Т.1. 1917-1933. М.: Наука, 1995. С. 159-160.
8. Сергей Николаевич Быковский. 1896-1936 // Антология советской археологии. Т.1. 1917-1933. М.: Наука, 1995. С.162-163.
9. Фёдор Васильевич Кипарисов. 1886-1936 // Антология советской археологии. Т.1. 1917-1933. М.: Наука, 1995. С.164.
10. Евгений Юрьевич Кричевский. 1910-1942 // Антология советской археологии. Т.2. 1930-е годы. М.: Наука, 1995. С.219.
11. Александр Александрович Миллер. 1875-1935 // Антология советской археологии. Т.2. 1930-е годы. С.224-225.
12. Мстислав Владимирович Фармаковский. 1873-1946 // Антология советской археологии. Т.2. 1930-е годы. М.: Наука, 1995. С. 227-228.
13. Казак А.А. Миллер – археолог и этнограф // Казачий Петербург: I Региональная научно-практическая конференция. С.-Пб. 1995. С. 24-26.
14. Председатели ГАИМК – Николай Яковлевич Марр и Фёдор Васильевич Кипарисов // Традиции российской археологии. С.-Пб., 1996. С. 50-54.
15. Палеоэтнологическая школа в русской археологии 1920-х годов // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов

- Международной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Фёдора Кондратьевича Волкова (Вовка). С-Пб.: С.-ПбГУ, 1997. С. 52-55.
16. Об одной попытке уточнения методов в русской археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Сб. ст. памяти В.Д. Белецкого. Т.2. Псков-С-Пб.: ИИМК РАН, 1997. С. 147-151.
  17. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. № 5. 1996-1997. С-Пб., 1998. С. 371-382.
  18. М.И. Артамонов во главе ИИМК АН СССР (1938-1943) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. – С.-Пб.: С.-ПбГУ, 1998. – С. 9-16 (совместно со Столяром А.Д.).
  19. Н.Я. Марр, “марризм” и русская археология // Программы специальных курсов по археологии. – С-Пб.: С.-ПбГУ, 2002. – С. 1-3.
  20. Михаил Илларионович Артамонов – директор ИИМК // Археологические вести. № 6. С-Пб., 1999. С.466-478.
  21. "Беззаконная комета на научном небосклоне". Н.Я. Марр // Знаменитые универсанты. Вып. 1. С.-Пб.: С.-ПбГУ, 2002. С.156-178.
  22. К истории одного открытия в археологии (Г.А. Бонч-Осмоловский и “дело Серебрякова” 1924 г.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. С.Пб.: ИПК Вести, 2002. С.120-129.
  23. Панорама отечественной археологии на "Великом переломе" (по страницам книги В.И. Равдоникаса "За марксистскую историю материальной культуры" // Археологические вести. № 9. С.-Пб., 2002. С.261-278.
  24. Александр Александрович Миллер – археолог // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII-XX вв.). – Материалы постоянно действующей конференции "Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект". Вып. 1. – С.-Пб., 2002. – С. 155-161.

25. С.И. Руденко. Памяти Фёдора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти). Подготовка текста, публикация и научный комментарий Н.И. Платоновой // Археологические вести. № 10. С.-Пб., 2003. С. 361-366.
26. Фёдор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С.И. Руденко) // Археологические вести. № 10. С.-Пб., 2003. С. 367-373.
27. Записки белого офицера (из семейного архива Бонч-Осмоловских). – Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. С.-Пб.: ИПК "Вести", 2003. С. 588-596.
28. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1 треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященных 77-летию Л.С. Клейна. С.-Пб.: С.-ПбГУ, 2004. С. 43-73.
29. Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. С.-Пб.: С.-ПбГУ, 2004. С. 134-149.
30. Платонова Н.И. "ДЕЛО" Сергея Ивановича Руденко. 1930-1957 // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию к.и.н. А.А. Формозова. – С.-Пб.: С.-ПбГУ, 2004. – С. 126-138.
31. Платонова Н.И. Александр Николаевич Рогачёв: начало пути // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. Воронеж: Истоки, 2004. С. 121-123.
32. Платонова Н.И., Конкретно-исторический подход А.Н. Рогачева // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 83-86 (совместно с Аниковичем М.В., Анисюткиным Н.К., Поповым В.В.).
33. Первая аспирантура Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) // Мавродинские чтения 2004:

- актуальные проблемы историографии и исторической науки. С.-Пб.: С.-ПбГУ, 2004. С. 235-237.
34. Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания, размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. С.-Пб.: ООО "Копи-Р", 2005. – С. 10-28 (совместно с Аниковичем М.В.)
  35. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба учёного (по страницам семейного архива) // Археологические Вести. – № 12. С.-Пб., 2006. С. 301-315.
  36. Научные школы и направления в российской археологии 1880-1930-х гг. // Современные проблемы археологии России. Т.2. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-38 ноября 2006 г., г. Новосибирск). Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН, 2006. С. 441-443.
  37. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко: сравнительный анализ архивных источников // Известия Алтайского Государственного университета. 2008. Вып. 4/2. История. – С. 151-158.
  38. Палеоэтнологическая школа в археологии и Фёдор Кондратьевич Волков // Вестник Томского Государственного университета. 2008. № 315, октябрь. С. 96-103.
  39. "Национальная" русская археология середины – второй половины XIX в. // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда. Т. III. 2008. – С. 233-234.
  40. Old and new values in a period of crisis // Social sciences and political change. Promoting innovative research in Post-socialist countries. Brussels, 2003. P.45-52.
  41. The Phenomenon of Pre-Soviet archaeology: archival studies of the history of archaeology in Russia // Histories of archaeology: archives, ancestors, practices. – Göteborg: Göteborgs Universitet. 2004. P. 15-17

42. The Phenomenon of Pre-Soviet Archaeology. Archival studies in the History of Russian Archaeology // Archives, Ancestors, Practices: Archaeology in the Light of its History. New-York. Oxford. 2008. P. 47-57.